

Въ Кіевѣ обо мнѣ можете справиться въ Училищѣ. Вмѣстѣ съ картинками пришлите Сенчиллѣ для меня *Кобзаря* Вашего. Это одно изъ Вашихъ(ъ) сочинений, которое я уважаю.

Не купить ли какой-нибудь книгопродавецъ у меня рукописи подъ заглавіемъ *Новѣсти П. Кульша*. Тутъ помѣщены напечатанные нѣкогда въ Кіевлянинѣ и одна нигдѣ ненапечатанная, подъ заглавіемъ: Самое обыкновенное происшествіе. Томъ этотъ составитъ около 250 страницъ in-8. Цѣна рукописи 80 р. сребр. Я желалъ бы, чтобъ эта книжка предшествовала моему новому роману, которымъ наконецъ я благополучно разрѣшаюсь отъ бремени. Упомянутая рукопись уже прецензирована Кіевскимъ цензоромъ.

4. Милостивый Государь, Тарасъ Григоріевичъ!

Перечитывая нѣсколько разъ здѣсь въ Петербургѣ Вашего *Кобзара* и *Гайдамаки*, я отъ души восхищался ими и многія мѣста заучилъ наизусть; но въ то же время замѣтилъ осязательнѣе, нежели прежде, и ихъ недостатки. Одни изъ этихъ недостатковъ происходятъ отъ Вашей безпечности, небрежности, лѣни, или чего-нибудь подобнаго; другіе отъ того, что Вы слишкомъ много полагались на врожденные Ваши силы и мало старались согласить ихъ съ искусствомъ, которое само по себѣ ничтожно, но въ соединеніи съ такимъ талантомъ, какимъ Богъ одарилъ Васъ, могло бы творить чудеса еще поразительнѣе тѣхъ, какія оно творило въ соединеніи съ талантомъ Пушкина. Ваши созданія принадлежатъ не однимъ Вамъ и не одному Вашему времени; они принадлежатъ всей Украинѣ и будутъ говорить за нее вѣчно. Это даетъ мнѣ право вмѣшиваться въ семейныя дѣла Вашей фантазіи и творчества и требовать отъ нихъ настоятельно, чтобы они довели свои созданія до возможной степени совершенства. Вы можете мои замѣчанія принять и отвергнуть; по крайней мѣрѣ я исключу себя изъ общества толпы, которая восхищается Вами безусловно и которой восхищеніе для сознающаго свое достоинство поэта должно быть также ничтожно, какъ и „гоненье низкаго невѣжды“.

Самое мужественное изъ Вашихъ произведеній въ *Кобзарѣ*, самое оконченное и самое народное по складу и простотѣ есть *Тарасова Ночь* (безъ пропусковъ). Съ нимъ могутъ поспорить *Тополя* и *Думка*, но здѣсь исторія важное дѣло!—Потомъ нужно поставить *Перебендю*, какъ превосходную характеристику поэта вообще и Украинскаго въ особенности.—Оба ваши введенія, къ *Кобзарю* и къ *Гайдамакамъ*, какъ бы ни противорѣчили тому-другому, но это, по живости чувствъ и рѣчи, такія огненные созданія, на которыя ни одинъ эстетикъ не осмѣлится наложить руки. Я только замѣчу, что начало введенія къ *Гайдамакамъ*, до стиха: „И про вашу долю любила спѣвать“, слѣдовало бы поставить эпилогомъ послѣ *Гайдамакъ*, два слѣдующіе стиха уничтожить, а начать просто: „Сыны мои Гайдамаки!“ и пр.

—Первая часть *Ивана Подковы* пришлась бы введеніемъ къ *Гамалѣ*, вторую же часть нужно уничтожить, потому что въ ней и отдѣльно нѣтъ поэтическихъ красотъ (кромѣ стиха, нигдѣ вамъ не измѣняющаго; но вспоминая великаго Пушкина, не щадите стиха для цѣлости созданія), а послѣ *Гамалѣ* она совсѣмъ становится неинтересною.—Въ посланіи до *Основьяненка* нужно исправить на стр. 92 стихъ: „На степи казачій“. Къ рѣимъ *плаче* придется и украинскій родъ: *на степу казачѣмъ*. Далѣе на 93 стр. вы превозносите Головатаго,—лицо не очень важное и мало извѣстное народу и историкамъ. Не лучше ли напечатать:

*Наша пѣсня, наша дума
Не вмере не загине:*

Отъ де люди. наша слава,
Слава України!

(NB. На стр. 8 нужно переправить стихъ 19 такъ: Тільки слёзы за *Вкраину*, а не за *Украйну*).

Добираюсь теперь до двухъ самыхъ трудныхъ для Васъ передѣлокъ: *Катерины* и *Кобзара*. Если вы сможете пересоздать вторую половину *Катерины* совсѣмъ, да поможетъ Вамъ Богъ; если жъ нѣтъ, то ее можно усилить только исключеніями. По моему слѣдовало бы затереть слѣдующіе стихи: на стр. 45—46, отъ стиха: *Правда ваша правда, люди!* до ст. 3ъ *Ивасемъ мандруе*. Эти стихи ослабляютъ то чувство, какое вложено въ душу читателя предыдущими. Пушкинъ въ этомъ отношеніи долженъ служить всѣмъ намъ образцомъ. Какъ только онъ тронулъ въ душѣ читателя желанную струну, тотчасъ останавливаетъ себя съ удивительною властью надъ своею фантазією: иногда онъ броситъ только зерно въ наше сердце и отходить къ другимъ трудамъ, увѣренъ будучи, что собственные наши силы его раскроютъ и возрастятъ въ мысль или образъ.—На томъ же основаніи нужно исключить на стр. 48—50 отъ стиха: *Люди нуться, якъ ти лозы* до стиха: *Де жъ Катруся блудить?* (вездѣ нужно разумѣть включительно). А слѣдующіе за тѣмъ стихи написать такъ:

По-пѣдъ тыню Катерина
Не разъ ночувала.

Стихи, осужденные здѣсь на исключеніе, могли бы сдѣлать честь иному поэту; но вы, Тарасъ Григоріевичъ, должны быть подобны богачу, который, наслаждаясь только лучшимъ въ яствахъ, бросаетъ то, что другіе охотно бы съѣли. На стр. 50—56 исключить отъ стиха: *Полетѣла, зострѣлася* до стиха: *Що Москаля кличе*. Тутъ есть нѣкоторыя частности, годящіяся къ дѣлу, но вообще эти страницы замедляютъ драматическое движеніе потому что нѣтъ здѣсь равносильныхъ предыдущему чертъ, а словъ много. Шекспиръ такъ умѣлъ располагать заманчивѣйшіе вещи въ своихъ пьесахъ, что нигдѣ онѣ не навалены грудой въ ущербъ другимъ мѣстамъ, и новыя впечатлѣнія у него слѣдуютъ въ скрытомъ механизмѣ драмы со скрытою рассчитанною послѣдовательностью. На этомъ основывается равновѣсіе частей, цѣлость, единство впечатлѣнія и вообще гармонія во всякомъ эпическомъ и драматическомъ произведеніи.—Послѣ означеннаго пропуска нужно на 57 стр. переправить 3-й стихъ такъ: *Зупинилась середѣ шляху*.—Чтобъ усилить сцену между любовниками, нужно выпустить на стр. 58 стихи: 1—4, и на стр. 59 стихи: 11—18, а 20 стихъ переправить такъ:

„Куды жъ ты помчався?“

На стр. 62—63 вы скажете больше, если исключите стихи 9—12 и потомъ отъ стиха: *Що осталось...?* до конца главы. Глава V превосходна!

Теперь *Гайдамаки*. О введеніи я уже сказалъ. На стр. 26—27 исключить отъ стиха: *Выбачайте, люди добры* до стиха: *Що тамъ робиться*. Изъ послѣдняго стиха слово *Жидюга* должно остаться; чтобъ составить полный стихъ, Вы чтонибудь къ нему прибавите.—На стр. 40—41 исключ. отъ ст. *Ажъ обридло слухаючи* до стиха: *Обнявшись сумуе*. На стр. 42 въ стихѣ 23 вмѣсто *вѣ улу* нужно напечатать: *вѣ кутку*. На стр. 50 исключ. отъ начала до пѣсни *Волоха*. Оставить только въ скобкахъ слова: *Кобзаръ спѣває*.—На 51 стр. уничтожить стихи: 7—11.—На 54 уничтож. отъ начала до словъ: *Ляхѣвъ бачишъ рѣзати*. Потомъ написать такъ *Гайдамак*. *Добре, ей Богу добре!* и пр. В словахъ этого гайдамака исключить темную пословицу: *нехай стара вьязне* и пр.—На 72—73 исключ. отъ ст. *Крутомъ пекло; гайдамаки* до ст. *Гайдамаки; йде Ярема*. На 78 исключ. отъ ст. *А Залѣзнякъ Гайдамакамъ* до конца страницы. Потомъ уничто-

жить всю главу *Гупаливщина*. Повѣсть любви въ ней не развивается, а драма Колѣвщинины не выигрываетъ ни одной новой черты. Вамъ хотѣлося сохранить преданіе о червонцѣ Залѣзняка. Такія вещи нужно говорить мимоходомъ или основать на нихъ часть драмы, а дѣлать эпизодъ во вредъ драматическому ходу не нужно. Вообще она слаба, и ее не жаль уничтожить.—Освобожденіе Оксаны весьма слабо и темно. Нужно передѣлать если можете. А мотивъ тутъ прекрасный, и во 1-хъ: *Шкода муру! старосвѣтська штука*; во 2-хъ: противоположность веселости съ бѣдствіемъ Ляховъ и мученіемъ Галайды за свою Оксану; въ 3-хъ: опасеніе читателя, чтобъ козаки не вздумали рано пойти на приступъ; в 4-хъ *черезъ греблю повалили*. Воспользуйтесь переходомъ черезъ греблю въ моемъ переводѣ съ польскаго, заставьте Ляховъ, невыпросившихъ пощады рѣшиться на отчаянное предпріятіе пробиться. Заставьте Ярему найти свою Оксану или на мосту въ рукахъ Ляха, или въ пылающей крѣпости. Это будетъ лучше. А то вѣдь замѣтите, что въ вашей драмѣ нѣтъ борьбы силъ; Ляхи вездѣ трусы, никакого отпора, вездѣ гибнутъ. Отъ этого читатель не сочувствуетъ торжеству побѣдителей, ибо это торжество мясниковъ, а драма ваша—кровавая бойня, отъ которой по неволѣ отворачиваешься. Вспомните стихъ: „На беззащитныя сѣдины не поднимается рука“ у кого же? у разбойника по ремеслу! Слѣдовательно кровь здѣсь должна быть только слѣдствіемъ борьбы, а не предметомъ жажды. Дайте побольше челоуѣчества вашимъ Гайдамакамъ. Посмотрите у Шекспира: одно лицо въ слѣпотѣ звѣрской ярости проливаетъ кровь своихъ враговъ, а другое говоритъ голосомъ челоуѣчества; иногда тоже самое лицо содрогается и тѣмъ доказываетъ истину, что челоуѣческое начало никогда не подавляется звѣрскимъ. Постигните, Тарасъ Григоріевичъ (не въ гордости мнимаго превосходства это говорю, а въ простотѣ сердца художника-брата), постигните соотношеніе между созданіемъ поэта и душою читателя; тогда вы будете истинно великимъ! Не полагайтесь на природныя силы. Задача всякаго смертнаго—заслужить наслажденіе совершенствомъ. Вамъ много дано отъ природы; нужно много и потрудиться; а вы часто впадаете въ совершенно ошибочныя мнѣнія о творчествѣ. Не однѣ книги даю я вамъ въ руки; читайте цѣлый міръ, но пусть Ваша душа безпрестанно бодрствуетъ. (NB. Для этого нужно отвергнуть многія знакомства или лучше сказать препровожденіе времени съ людьми будто бы образованными).—Но это другое дѣло. Обратимся къ Гайдамакамъ. Если вы не возгорите желаніемъ передѣлать эту часть поэмы, то исключите по крайней мѣрѣ на стр. 86 стихи: 15—18, на стр. 87 стихи: 2—5; на стр. 95—97 отъ стиха: *Якъ була я молодую приподобницею* до ст. Да пошукай броду, броду; на стр. 104 исключить ст. 12—23; на стр. 106—107 отъ ст. *Пекла мало! люди, люди!* до стиха: *Ляглы Ляхи трупомъ*. На стр. 124 конецъ отъ ст. *Только часомъ у вечері*. Послѣ торжественнаго стиха: *На те Божя воля* никакой стихъ не годится. (NB. Если не до ладу вамъ покажется поставить эпилогомъ начало введенія,—какъ эпилогъ уже, можно сказать есть,—то можно оставить это поэтическое мечтаніе особою думою; но въ началѣ введенія она нейдетъ ни къ дѣлу, ни къ тону).

Вотъ вамъ голосъ челоуѣка, отъ всей души желающаго, чтобъ Украина имѣла поэта, который бы всему свѣту сказалъ за нее свое могучее, гармоническое слово. Примете вы его или нѣтъ, по крайней мѣрѣ надѣюсь, что вы не усомнитесь въ благородствѣ моихъ побужденій къ строгой рецензій вашихъ несравненныхъ созданій и къ рѣшительному тону совѣтовъ.—Прошу васъ не уничтожать этого письма, а спрятать его, такъ чтобъ оно вамъ могло попастьъ въ руки лѣтъ черезъ 5, когда вы

насытитесь куреніями всеобщихъ похвалъ и внутренній вашъ челоуѣкъ возжаждетъ иныхъ наслажденій поэтическихъ, наслажденій глубокимъ со- знаніемъ красоты творчества, недоступной для публики. Можетъ-быть тогда они наведутъ васъ на такія мысли, которыя мнѣ никогда и не приснятся!—Если же вы согласитесь теперь исправить Кобзара и Гайда- маки, то я бы желалъ во время моего пребыванія за границею напеча- тать ихъ для Славянскаго міра съ нѣмецкимъ переводомъ, со введеніемъ и коментаріями на нѣмецкомъ языкѣ: да славится Украинское имя во всѣхъ языкахъ! А вы бѣ намалёвали свою персону, то й персону вашу ябѣ штихомъ нѣмецкимъ изобразивъ. Гроши на изданіе я найду, коли захоче Н. Ив. да ще де хто; а коли й нѣ, то отъ вамъ козацьке слово, що своимъ власнымъ коштомъ надрукую, хочъ бы не выручивъ опѣся ни копѣйки! Якъ же бѣ якому Нѣмцю продавъ, то не взявъ бы собѣ й копѣйки, а доставивъ бы вамъ.

Року 1846, іюля 25 дня. Зъ С. Петербурга.

П. Кулѣшъ рука власна.

Я желалъ бы, чтобъ это осталось между нами, такъ чтобъ дома и не знали, какимъ образомъ явились ваши сочиненія въ Нѣмеччинѣ!

Лист О. Штрандмана:

Яготинъ 14 декабря (1845.)

Необыкновенныя вещи, просто чудеса на свѣтѣ дѣлаются! Вообрази Тарасъ Григорьевичъ, носятъ слухи, что я їду въ Петербургъ, а самъ я о томъ, свѣдущъ столько какъ и вы, *бачуть* даже что їду недалѣе какъ въ Субботу... Впрочемъ вѣроятно въ Ковалевкѣ будутъ говорить о томъ обстоятельнѣе и внятнѣе. Пріѣзжай Бога ради въ Яготинъ хоть на денекъ, както больно разстаться непростясь, при томъ кто знаетъ когда свидимся?

Хотѣлось бы много, много побесѣдовать съ вами—удалый поэтъ, добрый—дружище, *остатній изъ козаковъ!* но время спѣшное, да и переписываться изъ Ягодина въ Ковалевку—както негоже.—Право пріѣзжайте въ Яготинъ!

Непоминай лихомъ Сашки Штрандмана.

Если разбогатѣлъ такъ пришли грошей рубливъ 30. бо—жутко приходится.

На звороті: Тарасу Григорьевичу Шевченку отъ Штрандмана.

Друкується вперше.

Лист І. Гудовського:

санкт. петербу. 1845-го сеньт. 22.

Дай боже здравствовать

Тарасъ Григоровичъ.

Ажъ ось коли пришлось изъ вами побалакать попереду ось об- чимъ получив я видъ васъ двадцять пять карбованьцивъ отдавъ Служин- скому 35 руб. 60-ко зовсимъ роштитавсь а печатать ему николи, дакъ я ледви отдавъ долгову данезнаю чи такъ зробивъ вы мини пишете щобъ прислать 35 екз. дакъ я щитаю усякій Екземпляръ изъ 6 ти картинъ дакъ такъ и розсылать буду таше купивъ 10 арш. полот. по 1 руб. 40-ко за арш. 12 листо(въ) бумаги за 3—50-ко посылаю вамъ дивчину и кар. Рембранта да мабудъ бы пропала якъ бы ми съ Карпомъ не були на име- нинахъ у старухи глядъ а вона на стини прибыта да я ледви видутивъ; Езучевскій и галуза вамъ кланяюця картина ще нерозиграна я узявъ у езучевского 30 карб. и отдавъ Кузми котори вы були виновати а ос- танни винъ каже чий зберу бо обещуюця багато а дають мало я хотивъ